

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА МАРКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного
Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Москва, Российская Федерация);
профессор кафедры романских и славянских языков
Экономический университет (Братислава, Словакия)
ORCID 0000-0001-6620-1567; elena-m-m@mail.ru

СТРУКТУРА КОГНИТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ И КОГНИТИВНОГО ЗНАНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

А н н о т а ц и я . Рассматривается уровневая организация смыслового объема слова и значение такого понимания лексической семантики для овладения русской лексикой в славянской аудитории. Актуальность обусловлена лингвокогнитивным фокусом современных исследований не только в лингвистике, но и в методике преподавания языков. Целью является описание смысловой структуры слова в отличие от его семантической структуры. Среди задач – выделение уровней смысловой структуры; их характеристика; выявление специфики каждого уровня в близкородственных славянских языках: русском, чешском, словацком; соотнесение подобного видения организации смыслового содержания с этапами его усвоения в иноязычной (славянской) аудитории. Рассматривается три уровня смысловой структуры слова: денотативный, структурно-системный и концептуальный. Они не только описывают семантический объем слова, но демонстрируют последовательность и логику смыслового развития лексемы. Учет этих уровней помогает структурировать содержание лексической единицы, соответствующее ее когнитивному развитию и, соответственно, когнитивному знанию о ней. В таком взаимосвязанном и взаимообусловленном видении когнитивного содержания и когнитивного знания лексем заключается новизна данного исследования. Подобный подход к содержательной стороне лексемы имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, соответствующая логике его когнитивного освоения иностранцами, способствует лингводидактической организации лексики при преподавании русского языка в иноязычной аудитории и помогает преподавателю минимизировать и распределять лексический материал в соответствии с этапами обучения. Особое значение это имеет в славянской аудитории ввиду многочисленных лексико-семантических сходств и различий на всех смысловых уровнях, что демонстрирует автор на сравнительном материале русского, чешского и словацкого языков.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лексическая семантика, смысловый объем слова, когнитивное знание, славянские языки
Д л я ц и т и р о в а н и я : Маркова Е. М. Структура когнитивного содержания и когнитивного знания русской лексики // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 43–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.720

ВВЕДЕНИЕ

Объектом изучения семантики слова при лингвокогнитивном подходе становится не семантическая структура как совокупность лексико-семантических вариантов, но *смысловый объем* слова как совокупность смыслов, формирующих его концептуальное содержание [1]. Лексическое значение слова в узком понимании представлено в словарях в виде его толкования. Смысл слова глубже и шире значения, охватывает всю совокупность метафорических и переносных употреблений, коннотативных наращений, символических переосмыслений. При одинаковом лексическом значении слова разных язы-

ков могут иметь разное смысловое наполнение. Исследование и описание содержания лексической единицы в когнитивном аспекте предполагает выделение нескольких уровней ее смысловой структуры.

ПЕРВЫЙ, ДЕНОТАТИВНЫЙ, УРОВЕНЬ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ

Этот уровень связан с соотнесением слов с реальными объектами действительности. На этом уровне в близкородственных языках наблюдается много сходств, в особенности среди праславянской по происхождению лексики, однако много и семантических различий у этимологически

общих лексем (представляющих собой факты межъязыковой полисемии) как следствие их самостоятельного языкового развития [13].

Различия эти могут иметь разный характер: родо-видовых (гипо-гиперонимических) отношений (рус. *ягода* ‘любая ягода’ и чеш. *jahoda* ‘клубника’, рус. *гриб* ‘любой гриб’ и чеш. *hřib* ‘белый гриб’, рус. *палец* ‘любой палец руки и ноги’ и чеш. *palec* ‘большой палец руки’); отношений «абстрактное» – «конкретное» (рус. *быт* ‘образ, уклад жизни’ и чеш. *byt* ‘квартира’, рус. *обилие* ‘большое количество’ и чеш. *obilí* ‘урожаем зерновых, зерно’); «общеупотребительное» – «специальное» (рус. рел. *клобук* ‘головной убор священников’ и чеш. *klobouk* ‘шляпа’, рус. рел. *купель* ‘сосуд для крещения’ и чеш. *koupel* ‘ванна’; рус. *ткань* и чеш. биол. *tkaň*); отношений семантической дизъюнкции (рус. *рыхлость* ‘рассыпчатость, неплотность’ и чеш. *rychlost* ‘скорость; движение’); метафорических отношений (рус. *крупа* ‘продукт питания, состоящий из зерен’ и чеш. *kroupy* ‘осадки в виде града, снега’; рус. *шило* ‘острый инструмент’ и чеш. *šídlo* ‘стрекоза’); энантиосемии (рус. *черствый* ‘несвежий, сухой’ и чеш. *čerstvý* ‘свежий’, рус. *ужасный* ‘безобразный’ и чеш. *úžasný* ‘прекрасный’)¹ и др.

Наиболее разнообразными являются семантические отношения, основанные на метонимии, которая может быть представлена самыми разнообразными моделями. Метонимические переходы, в основе которых – ассоциативная смежность денотатов в сознании человека, осуществляющего акт номинации, пронизывают весь процесс семантического развития лексических единиц и, соответственно, характеризуют семантические взаимоотношения этимологически общих слов славянских языков. Помимо указанных выше примеров, можно привести следующие, основанные на пространственной близости денотатов: рус. *борода* ‘волосы на подбородке’ и чеш. *brada* ‘подбородок’; на отношении «содержащее – содержимое»: чеш. *zahrada* ‘сад’ и рус. *загородка* ‘забор’; «часть – целое»: рус. *топор* и чеш. *topor* ‘часть топора в виде рукоятки, топориче’; «материал – изделие из него»: рус. *сукно* ‘грубая ткань’ и чеш. *sukně* ‘юбка’; «действие – инструмент действия»: рус. *звон* ‘действие по глаголу *звонить*’ и чеш. *zvon* ‘колокол’; «действие, состояние – его производитель»: рус. *блеск* и чеш. *blesk* ‘молния’, рус. *мрак* ‘темнота’ и чеш. *mrak* ‘туча’; «действие, состояние – место совершения действия»: рус. *ходьба* и чеш. *chodba* ‘коридор’; рус. *обход* и чеш. *obchod* ‘магазин’² и др.

Формально изоморфными, но семантически псевдоэквивалентными могут быть и парал-

лельные образования в родственных языках как результат наличия общих морфем, одинаковые сочетания которых в разных языках привели к неодинаковому семантическому результату. Семантический гетероморфизм, отмечаемый у параллельных образований, обнаруживается у разных частей речи, например, существительных: рус. *веник* ‘связка прутьев или сухих веток’, а также о плохом букете (*что это за веник?*) и чеш. *věnik* ‘ветка с цветами, фруктами’³; прилагательных: рус. *беспечный* ‘безответственный, легкомысленный’ (*беспечное поведение*) и словц. *bezpečný* ‘безопасный, достоверный’ (*bezpečná cesta* ‘безопасная дорога’); наречий: рус. *вкусно* ‘состояние приятных ощущений от еды’ (*было вкусно*) и словц. *vkusně* ‘со вкусом’ (*vkusně zariadéne* ‘обустроено со вкусом’); глаголов: рус. *наговорить* ‘сказать в большом количестве’ (*наговорить* 1) *глупостей, дерзостей*; 2) *текст*) и словц. *nahovoriť* ‘внушить’ (*nahovoriť mienku* ‘внушить мнение’); причастий: рус. *разрушенный* (причастие от глагола *разрушить* ‘уничтожить’) и словц. *rozrušený* ‘взволнованный’⁴ и др.

Как правило, межъязыковые полисеманты и параллельные образования в славянских языках общие при различной их семантической дифференциации характеризуются наличием общих сем в их значении, что обусловлено их общим происхождением и семантикой общего корня. В отличие от этих групп изоморфной лексики близкие по звучанию билингвальные явления, представляющие собой межъязыковую паронимию (случайное звуковое подобие, не обусловленное общностью происхождения), не имеют ничего общего в семантике. К ним относятся, например, в русско-чешской компарации: рус. *вспахать* «разрыхлить почву, подготовить для посева» – чеш. *spáchať* «совершить что-л.», рус. *пух* «мягкий и нежный волосок под перьями птиц» – чеш. *puch* «вонь», рус. *распаковать* «освободить от упаковки, развязать» – чеш. *rozpakovať* «ввести в смущение»⁵; в русско-словацкой: рус. *мылиться* «наносить мыльную пену на кожу» – словц. *myliť sa* «ошибаться»⁶ и т. п. Денотативно межъязыковые паронимы никак не пересекаются, они, как правило, соотносятся с разными сферами действительности.

Во многих славянских языках подобная лексика выявлена и зафиксирована лексикографически в словарях межъязыковых омонимов, «ложных друзей переводчика», обманчивых межъязыковых сходств⁷ (см., напр., [10], [11], [14], [15]).

Случайные совпадения лексем или генетически общие слова, значительно разошедшиеся

в значении, не представляют больших трудностей для усвоения и запоминания при изучении другого славянского языка, наоборот, они помогают быстрому усвоению и запоминанию семантики данного слова благодаря эффекту «отталкивания» от иной семантики похожего слова в родном языке. Этот принцип действует и при встрече с «ложными друзьями переводчика» в неблизкородственных языках.

На денотативном уровне семантики слова важное теоретическое и прикладное значение имеет апелляция к внутренней форме слова – признаку, положенному в основу номинации [3]. По словам В. В. Виноградова, «слово – неразрывное единство звука, значения и внутренней формы» [4: 114]. Внутренняя форма, открытая когда-то А. А. Потебней, является синергетическим явлением, выступая не только в качестве элементарной формы представления когнитивного содержания, но и словообразовательно-мотиватора слова, его деривационной основы, посредника между означаемым и означающим. «В структуре образа-представления отмечается как бы взаимопроникновение наглядной внутренней “картинности” и слова» [16: 45]. Наряду с этим внутренняя форма характеризуется ярко выраженной этноспецификой: транслирует особенности мировидения народа – носителя данного языка, связана с его креативными возможностями, показывает движение мысли в момент номинации, что обуславливает ее ценность и в процессе обучения лексике русского языка, в особенности в славянской аудитории.

Внутренняя форма не только помогает осмыслить когнитивную основу номинации, но и способствует запоминанию лексической единицы [2] в силу устойчивости, прочности мнемической связи между словом и вызвавшим его к жизни мотивом. При этом специфичным в инославянской аудитории является то, что немотивированная с точки зрения носителей русского языка внутренняя форма слова оказывается мотивированной с точки зрения иной славянской лингвокультуры [8], где сохраняются до настоящего времени праславянские лексемы, утраченные русским языком. Например, внутренняя форма слова *кошелек* «прозрачна» для носителей чешского и словацкого языков, так как в этих языках известно слово *koš* – ‘корзина’, его производное чеш. *košile*, словц. *košel’a* ‘рубашка’.

СИСТЕМНЫЙ УРОВЕНЬ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ

Системно-структурный принцип является главным в анализе следующего уровня лекси-

ческой семантики, который можно обозначить как *системный*. Он предполагает выявление системных – парадигматических и синтагматических – возможностей лексемы. Парадигматику слов составляет их включенность в синонимические ряды и антонимические пары, тематические и лексико-семантические группы, деривационные гнезда, гипо-гиперонимические отношения.

Синтагматика слова обеспечивается его возможностью сочетаться с другими лексическими единицами данной языковой системы. Синтагматические связи общих для двух славянских языков слов нередко демонстрируют не только сходства, но и многочисленные различия, определяемые несовпадением их лексической валентности (сочетаемостными возможностями). Синтагматика определяет место лексемы в системе языка, помогает очертить семантику лексемы (что важно в аспекте дифференциации семантических полей изоморфных лексем с разным значением в двух родственных языках), дифференцировать синонимы и омонимы (в том числе межъязыковые омонимы в славянских языках) и, кроме того, имеет очень большое практическое, лингводидактическое значение. Слова хранятся в нашей памяти не изолированно, а соединяясь между собой при помощи ассоциаций. Ассоциативное соединение лексем обуславливает их синтагматические возможности. Работа над синтагматикой слова позволяет не только быстро и эффективно закрепить различия в их семантике, но и вывести его в речь, включить в речевой поток. Так, в русском и чешском языках есть аналогичное по звучанию прилагательное *пошлый* – *pošlý*. Однако в русском языке возможны сочетания: *пошлая среда*, *пошлый человек*, *пошлый анекдот*, так как рус. *пошлый* ‘низкий, безвкусный, грубый’ и т. п. В чешском языке – другие синтагматические комплексы: *pošlý kůň*, *pošlá svineň*, так как чеш. *pošlý* ‘дохлый, издохший, околевший’⁸.

Разные синтагматические комплексы могут служить дифференциации синонимов. Так, значение большого количества в русском языке метафорически вербализуется с помощью слов *гора*, *куча*, *туча*, *море*, *поток* и т. п. в строго определенных сочетаниях: *гора книг*, *куча бумаг*, *туча мух*, *море слез*, *поток людей* и др. Конкретная реализация сравнения того или иного множества нередко носит специфический характер даже в языках близкого родства. Так, говоря о множестве красивых волос, русские скажут: *копна волос*, а чехи в этом случае используют другой образ, реализованный в сочетании: *pramen vlasů* (где *pramen* ‘источник, ключ, родник’). Невозможны в русском языке

и сочетания со словом *stoh* ‘стог’ в этом значении: чеш. *stoh knih* (букв.) ‘стог книг’, *stoh not* (букв.) ‘стог нот’, *stoh prádla* (букв.) ‘стог белья’⁹. Напротив, в чешском языке невозможны сочетания *батарея бутылок* или *букет болезней*.

Существительные могут создавать синтагматические комплексы с прилагательными, причастиями, глаголами, другими существительными. Например, общеславянское *вода* имеет такие свободные и связанные сочетания в русском языке, как *холодная, ледяная, теплая, горячая вода; минеральная, питьевая, газированная, фильтрованная, кипяченая вода; морская, речная, талая вода; живая и мертвая вода* (известные в фольклоре); *святая вода* (в церковных обрядах); *большая вода* (о наводнении). С глаголами возможны сочетания: *лить, вылить воду / налить воды, добавить воды, пить воду / выпить воды, включить / выключить / отключить воду, зарядить воду* (‘придать ей при помощи специального ритуала полезные свойства’). Разнообразные синтагматические связи помогают наглядно описать смысловую структуру слова, его функционал и потому имеют большое значение в овладении лексической семантикой, лексическим знанием иностранцами.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ

Наконец, третий, высший, уровень семантики – *концептуальный* – нацелен на выявление разного рода коннотативных наращений, символических значений, что напрямую связано с культурой народа-носителя данного языка [6]. Понимание смысла отдельных слов невозможно без знания всего комплекса ассоциаций, представлений, скрытого за словарной дефиницией содержания, который хранится в исторической памяти носителя данного языка. «Коннотативный ореол есть у каждого слова» [16: 49]. Этот уровень вербализуется в переносных значениях данной единицы, во фразеологии, в паремиях. При вторичном использовании языкового знака в качестве номинанта он нередко наделяется культурологической информацией, объективирующей особенности восприятия окружающего мира тем или иным этносом. В результате вторичные номинации становятся выразителями эталонов, стереотипов и символов определенной этнокультуры.

Общая в формальном отношении лексика славянских языков характеризуется неравномерностью ее метафорического развития. Благодаря прагматическому и лингвокультурологическому фокусам сопоставительных исследований сла-

вянских языков в сфере «ложных сходств» привлекается широкий круг лексики, отличающейся не только денотативным, но и коннотативным, культурным значением. Культурологический аспект позволяет отнести к межъязыковым омонимам все изоморфные лексемы двух языков, семантически одинаковые в денотативном плане, но дифференцированные в смысловом отношении в их прагматиконах, учитывая смыслы, приобретаемые во вторичной номинации, во фразеологии [7]. Примером может служить рус. *заяц* и слов. *zajac*. Совпадая в основном денотативном значении, эти общеславянские лексемы различаются культурными коннотациями: рус. *заяц* вызывает ассоциации о безбилетном пассажире, а слов. *zajac* ассоциируется с желанием убежать, что эксплицировано словацким устойчивым выражением *mať zajačné úmysly* ‘иметь мысли перейти на другое место работы, учебы’¹⁰.

При сравнении разного рода метафорических, коннотативных наращений обнаруживаются как общие, так и дифференциальные вторичные смыслы у общих славянских лексем. Если рассматривать на этом уровне, например, лексему *вода*, то обнаруживается, что с глубокой древности вода в разных культурах воспринимается как река времени. С дихотомией *мутная, грязная вода* и *чистая, прозрачная вода* связаны и аксиологические представления носителей не только русского, но и других славянских языков: чистая вода выступает символом честности, правды, мутная, грязная – символически выражает ложь, обман [9].

Во фразеологии разных языков подчеркивается сила воды, ее способность воздействовать на другие, твердые стихии, ее энергия: рус. *вода и камень точит* и чеш. *tichá voda břehy mele* (букв. ‘тихая вода берега мелет’). Бессмысленность действий одинаково передается с помощью фразеологической кальки, основанной на «водном» образе: рус. *носить воду решетом* и чеш. *nabírat vodu řešetem / nabírat vodu do síta*. Вода выступает в разных культурах и символом однообразия, бессмысленных, пустых разговоров и действий: *воду в ступе толочь* ‘говорить одно и то же’, *лить / гнать воду* ‘нести бессмысленные речи’ и чеш. *mít řeči jako vodu* (букв. ‘иметь речей как воды’). Чешский фразеологический омоним *honit vodu* имеет совсем другое значение – ‘пижонить, модничать, форсить’¹¹.

Вода осмысляется в разных лингвокультурах и как враждебная человеку стихия, она может бесследно поглотить любые предметы, включая самого человека: *как в воду канул* ‘бесследно исчез, скрылся из виду’, чеш. *jako by se byl do vody*

propadl. Однако только в чешском языке известно выражение *poslat k vodě*¹² (букв.) ‘послать к воде’, то есть ‘бросить кого-л., порвать с кем-л.’ (по-русски: *отпустить на все четыре стороны; послать к черту*). Вода – это и символ безнаказанности, безответственности в силу ее текучести: рус. *как с гуся вода*, чешский эквивалент: *sjede to po něm jako voda po huse*. Вода является знаком неопределенности, неуверенности: *вилами на воде писано*, то есть ‘неопределенно, неточно’, а в чешском языке – ненадежности: *spát jako na vodě* ‘плохо спать’, (букв.) ‘спать как на воде’, не-любви, ненависти: *mít rád jako vodu v botě* (букв.) ‘любить кого-то как воду в ботинке’¹³.

Во фразеологии разных, даже славянских, языков нередко выражаются этноспецифические представления. Если для чешской лингвокультуры специфическим является образное восприятие воды как беды, катастрофы (*stěží se drží na vodě* ‘он еле держится, он в опасности’, (букв.) ‘он с трудом держится на воде’¹⁴ (ср. с рус. *висит на волоске*)), то в русской народной культуре вода, являясь одной из главных составляющих различных обрядов, связанных с предсказанием и ворожкой [9: 292], олицетворяет способность увидеть, предугадать события: *как в воду глядел*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представление об уровневой структуре смыслового объема слова имеет не только теоретиче-

ское, но и прикладное значение при овладении лексикой иностранного языка, точнее, лексическим знанием. Оно раскрывает когнитивные закономерности развития семантики слова, этапы этого развития и, соответственно, ступени его освоения в иностранной аудитории, дает возможность структурировать содержание лексемы и одновременно когнитивное знание лексемы. Специфика овладения лексическим знанием в близкородственных языках заключается в пересечении смыслов, в наличии большого количества так называемых псевдоэквивалентов [12], формально одинаковых лексем, но имеющих различия в отдельных значениях, в синтагматике, парадигматике, символикe. В связи с этим учет уровневой организации смысловой структуры слова особенно актуален в славянской аудитории.

Владение лексикой на том или ином уровне ее смысловой структуры является одновременно и индикатором общего уровня владения русским языком как иностранным. Знание семантического объема того или иного слова на концептуальном уровне, то есть с учетом его метафорических переосмыслений и символических значений, позволяет говорить о высоком уровне владения иностранным языком. Стремление к знанию прагматической надстройки слова необходимо каждому, кто нацелен на диалог культур, на эффективную межкультурную коммуникацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Velký česko-ruský slovník / Pod ved. L. Kopeckého, J. Filipce a O. Lešky. Praha: LEDA, 1987. 1408 s.

² Там же.

³ Příruční slovník jazyka českého. T. 1-9. Praha, 1935–1957.

⁴ Rusko-slovenský a slovensko-ruský velký slovník. Bratislava: LINGEA, 2011. 1355 s.

⁵ Velký česko-ruský slovník...

⁶ Rusko-slovenský a slovensko-ruský velký slovník...

⁷ Кусаль К. Русско-польская межъязыковая омонимия и паронимия: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 580 с.

⁸ Příruční slovník jazyka českého...

⁹ Klégr A. Tezaurus jazyka českého. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 2007. 1189 s.

¹⁰ Slovník slovenského jazyka. Bratislava: VEDA, 1987. 856 s.

¹¹ Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc: Olomoucká Univerzita, 2002. 870 s.

¹² Там же.

¹³ Čermák F., Filipová K., Holub J. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatiky. T. 1. Přírovnání. Praha: LEDA, 2009.

¹⁴ Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А ле ф и р е н к о Н. Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Б а р а н о в с к а я Т. А. Роль внутренней формы слова при изучении иностранного языка. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 207 с.
3. Б и б и х и н В. В. Внутренняя форма слова. М.: Наука, 2008. 420 с.
4. В и н о г р а д о в В. В. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках // Славянское языкознание. VI Межд. съезд славистов. М., 1968. С. 53–119.
5. Л а з а р е в а О. А. Лингвокогнитивные основы обучения иностранцев русской лексике: Монография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. 250 с.

6. Маркова Е. М. «Водные» образы в русской и чешской лингвокультурах: общие и дифференциальные смыслы // «ВОДА» в славянской фразеологии и паремииологии. Water in Slavonic Phraseology and Paremiology: Коллективная монография: В 2 т. Budapest: Tinta könyvkiado, 2013. Т. 2. С. 389–396.
7. Маркова Е. М. Лексическая семантика как объект изучения в РКИ и его специфика в инославянской аудитории // Актуальные проблемы обучения русскому языку XIII: Сб. материалов конференции 16–18 мая 2018 г. в Университете им. Масарика (Брно) Aktuální problémy výuky ruského jazyka XIII: Editor sborníku Simona Koryčánková. Brno: Nakladatelství Masarykovy university, 2018. С. 329–334 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.5817/CZ.MUNI.P210-9077-2018> (дата обращения 12.09.2021).
8. Маркова Е. М., Квапил Р. Особенности обучения русскому языку в близкородственной словацкой среде // Русистика. 2021. Т. 19, № 2. С. 191–207. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-2 <http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>
9. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: Монография. М., 1996. 296 с.
10. Урядов Г. Ложные друзья переводчика: Словацко-русский словарь. Братислава, 2020. 46 с.
11. Шушарина И. А. Русско-польский словарь ложных друзей переводчика. Курган: Изд-во КГУ, 2014. 258 с.
12. Adamka P. Klady a zápory využívania analógií s rodným jazykom pri osvojovaní si niektorých javov gramatického systému ruského jazyka // Vyučovanie cudzieho jazyka: súčasné vyučovacie technológie. Prešov: FF PU, 2010. S. 7–14.
13. Budovičová V. Z konfrontačnej lexicológie príbuzných jazykov – lexikálne paralely v slovenčine, ruštině a češtině // Konfrontační stadium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. Т. 2. Praha, 1983. S. 257–275.
14. Havlová E. Poznámky k ruským homonimům // Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky. Brno, 1999. S. 83–89.
15. Vlček J. Úskalí ruské slovní zásoby: Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 124 s.
16. Volkov V., Mikluš M. Ideografickéjsoje opisanije ruskogo jazyka. Prešov: Náuka, 2000. 190 s.

Поступила в редакцию 22.11.2021; принята к публикации 20.12.2021

Original article

Elena M. Markova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Kosygin State University of Russia (Moscow, Russian Federation), University of Economics in Bratislava (Bratislava, Slovakia)
ORCID 0000-0001-6620-1567; elena-m-m@mail.ru

STRUCTURE OF COGNITIVE CONTENT AND COGNITIVE KNOWLEDGE OF RUSSIAN VOCABULARY

Abstract. The article deals with the level organization of the semantic volume of a word and the meaning of such an understanding of lexical semantics for the development of Russian vocabulary in a Slavic classroom. The relevance of the research is due to the linguo-cognitive focus of modern research not only in linguistics, but also in the methodology of teaching languages. The goal is to describe the structure of the cognitive content of a word as opposed to its semantic structure. The tasks include the allocation of levels of the cognitive content structure, describing their characteristics, identifying the specifics of each level in closely related Slavic languages (Russian, Czech, Slovak), and the correlation of such a vision of the semantic content organization with the stages of its acquisition in a foreign-language (Slavic) classroom. The author examines three levels of the cognitive content structure: denotative, structural and conceptual. They not only describe the semantic volume of the word, but also demonstrate the sequence and logic of the semantic development of the lexeme. Taking these levels into account helps to structure the content of a lexical unit according to its cognitive development and, therefore, the cognitive knowledge about it. Such an interconnected and interdependent vision of the cognitive content and cognitive knowledge of lexemes is the novelty of this research. This approach to the content side of the lexeme has both theoretical and practical value, since it corresponds to the logic of its cognitive mastery by foreigners, contributes to the didactic organization of vocabulary when teaching Russian as a foreign language, and helps teachers to minimize and distribute lexical material in accordance with the stages of learning. This is of particular importance in a Slavic classroom due to the numerous lexical and semantic similarities and differences at all semantic levels, which the author demonstrates using the comparative material of the Russian, Czech and Slovak languages.

Keywords: lexical semantics, semantic volume of a word, cognitive knowledge, Slavic languages

For citation: Markova, E. M. Structure of cognitive content and cognitive knowledge of Russian vocabulary. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):43–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.720

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F. Controversial problems of semantics. Moscow, 2005. 326 p. (In Russ.)
2. Baranovskaya, T. A. The role of the internal form of a word in learning a foreign language. Moscow, 2004. 207 p. (In Russ.)
3. Bibihin, V. V. Internal word form. Moscow, 2008. 420 p. (In Russ.)
4. Vinogradov, V. V. Problems of the morphemic structure of a word and the phenomenon of homonymy in the Slavic languages. *Slavic Language Studies. VI International Congress of Slavists*. Moscow, 1968. P. 53–119. (In Russ.)
5. Lazareva, O. A. Linguo-cognitive foundations of teaching Russian vocabulary to foreigners: Monograph. St. Petersburg, 2012. 250 p. (In Russ.)
6. Markova, E. M. “Water” images in Russian and Czech linguocultures: general and differential meanings. *Water in Slavonic phraseology and paremiology: Collective monograph*. In 2 vols. Budapest, 2013. Vol. 2. P. 389–396. (In Russ.)
7. Markova, E. M. Lexical semantics as an object of study in RFL and its specificity in a Slavic classroom. *Current issues of teaching the Russian language XIII: Proceedings of the conference at Masaryk University (May 16–18, 2018)*. Brno, 2018. P. 329–334. Available at: <https://doi.org/10.5817/CZ MUNI.P210-9077-2018> (accessed 12 September, 2021). (In Russ.)
8. Markova, E. M., Kvapil, R. Teaching Russian in a closely-related Slovak environment. *Russian Language Studies*. 2021;19(2):191–207. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-2 (In Russ.)
9. Teliya, V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects: Monograph. Moscow, 1996. 296 p. (In Russ.)
10. Uryadov, G. Translator’s false friends: Slovak-Russian dictionary. Bratislava, 2020. 46 p. (In Russ.)
11. Shusharina, I. A. Russian-Polish dictionary of translator’s false friends. Kurgan, 2014. 258 p. (In Russ.)
12. Adamka, P. Klady a zápory využívania analógií s rodným jazykom pri osvojovaní si niektorých javov gramatického systému ruského jazyka. *Vyučovanie cudzieho jazyka: súčasné vyučovacie technológie*. Prešov, 2010. S. 7–14.
13. Budovičová, V. Z konfrontačnej lexikológie príbuzných jazykov – lexikálne paralely v slovenčine, ruštině a češtině. *Konfrontační stádium ruské a české gramatiky a slovní zásoby*. T. 2. Praha, 1983. S. 257–275.
14. Havlová, E. Poznámky k ruským homonimům. *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky*. Brno, 1999. S. 83–89.
15. Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby: Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 124 s.
16. Volkov, V., Mikluš, M. Ideografičeskoje opisanije ruskogo jazyka. Prešov, 2000. 190 s.

Received: 22 November, 2021; accepted: 20 December, 2021